

И. А. БУНИН

ПОТОМКИ ПРОРОКА

Не мало царств, не мало стран на свете.
Мы любим тростниковые ковры,
Мы ходим не в кофейни, а в мечети,
На солнечные тихие дворы.

Мы не купцы с базара. Мы не рады,
Когда вступает пыльный караван
В святой Дамаск, в его сады, ограды;
Нам не нужны подачки англичан.

Мы терпим их. Но ни одежды белой,
Ни белых шлемов видеть не хотим.
Написано: чужому зла не делай,
Но и очей не подымай пред ним.

Скажи привет, но помни: ты в зеленом.
Когда придут, гляди на кипарис,
Гляди в лазурь. Не будь хамелеоном,
Что по стене мелькает вверх и вниз.

VIII.12

* * *

Шипит и не встает верблюд
Шипит и не встает верблюд,
Ревут, урчат бока скотины.
— Ударь ногой. Уже поют
В рассвете алом муэззины.

Стамбул жемчужно-сер вдали,
От дыма сизо на Босфоре,
В дыму выходят корабли
В седое Мраморное море.

Дым смешан с холодом воды,
Он пахнет медом и ванилью,
И вами, белые сады,
И кизяком, и росной пылью.

Выносит красный самовар
Грек из кофейни под каштаном,
Баранов гонят на базар,
Проснулись нищие за ханом:

Пора идти, глядеть весь день
На зной и блеск, и все к востоку,
Где только птиц косая тень
Бежит по выжженному дроку.

VIII.12

БЕЛЫЕ КРЫЛЬЯ

В пустыне красной над пророком
Летел архангел Гавриил
И жгучий зной в пути далеком
Смягчал сияньем белых крыл.

И я в пути, и я в пустыне.
И я, не смея отдохнуть,
Как Магомет к святой Медине,
Держу к заветной цели путь.

Но зной не жжет — твоим приветом
Я и доныне осенен:
Мир серебристым, нежным светом
Передо мною напоен.

ЗЕЛЕНый СТЯГ

Ты почиешь в ларце, в драгоценном ковчеге,
Ветхий деньми, Эски,
Ты, сзывавший на брань и святыя набег
Чрез моря и пески.

Ты уснул, но твой сон — золотые виденья.
Ты сквозь сорок шелков
Дышишь запахом роз и дыханием тленья —
Ароматом веков.
Ты покоишься в мире, о слава Востока!
Но сердца покорил
Ты навек. Не тебя ль над главою пророка
Воздвигал Гавриил?
И не ты ли царишь над Востоком доньше?
Развернись, восстань —
И восстанет Ислам, как самумы пустыни,
На священную брань!
Проклят тот, кто велений Корана не слышит.
Проклят тот, кто угас
Для молитвы и битв, — кто для жизни не дышит,
Как бесплодный Геджас.
Ангел смерти сойдёт в гробовые пещеры, —
Ангел смерти сквозь тьму
Вопрошает у мёртвых их символы веры:
Что мы скажем ему?

КОВСАР

Мы дали тебе Ковсар (Жоран)
Здесь царство снов. На сотни вёрст безлюдны
Солончаков нагие берега.
Но воды в них — небесно-изумрудны
И шёлк песков белее, чем снега.
В шелках песков лишь сизые полыни
Растит Аллах для кочевых отар,
И небеса здесь несказанно сини,
И солнце в них — как адский огонь, Сакар.
И в знойный час, когда мираж зеркальный
Сольёт весь мир в один великий сон,
В безбрежный блеск, за грань земли печальной,
В сады Джиннат уносит душу он.
А там течёт, там льётся за туманом
Река всех рек, лазурная Ковсар,
И всей земле, всем племенам и странам
Сулит покой. Терпи, молись — и верь.

1903

АВРААМ*Коран, VI*

Был Авраам в пустыне темной ночью
И увидел на небесах звезду.
«Вот мой Господь!» — воскликнул он. Но в полночь
Звезда зашла — и свет ее померк.
Был Авраам в пустыне пред рассветом
И восходящий месяц увидел.
«Вот мой Господь!» — воскликнул он. Но месяц
Помёрк и закатился, как звезда.
Был Авраам в пустыне ранним утром
И руки к солнцу радостно простёр.
«Вот мой Господь!» — воскликнул он. Но солнце
Свершило день и закатилось в ночь.
Бог правый путь поведал Аврааму.

ИСТОЧНИК ЗВЕЗДЫ

Сирийский апокриф
В ночь рождения Исы
Святого, любимого Богом,
От востока к закату
Звезда уводила волхвов.
В ночь рождения Исы
По горным тропам и дорогам
Шли волхвы караваном
На таинственный зов.
Камнем крови, рубином
Горела звезда перед ними,
Протекала, склонялась,
И стала, служенье свершив.
За долиной, на склоне —
Шатры и огни в Рефаиме,
А в долине — источник
Под ветвями олив.
И волхвы, славословя,
Склонились пред теми огнями
И сказали: «Мы видим
Святого селенья огни».

И верблюды припали
К холодной воде меж камнями:
След копыт и доньне
Там, где пили они.
А звезда покатилаь
И пала в источник чудесный:
Кто достоин — кто видит
В источнике темном звезду?
Только чистые девы,
Невесты с душой невестной,
Обрученные богу,
Но и то — раз в году.

МАГОМЕТ В ИЗГНАНИИ

Духи над пустыней пролетали
В сумерки, над каменистым логом.
Скорбные слова его звучали,
Как источник, позабытый Богом
На песке, босой, с раскрытой грудью,
Он сидел и говорил, тоскуя:
«Предан я пустыне и безлюдью,
Отрешен от всех, кого люблю я!»
И сказали Духи: «Недостойно
Быть пророку слабым и усталым».
И пророк печально и спокойно
Отвечал: «Я жаловался скалам».

НОЧЬ АЛЬ-КАДРА

Ночь Аль-Кадра. Сошлись, слились вершины,
И выше к небесам воздвиглись их чалмы.
Пел муэzzин. Еще алеют льдины,
Но из теснин, с долин уж дышит холод тьмы.
Ночь Аль-Кадра. По темным горным склонам
Еще спускаются, слоятся облака.
Пел муэzzин. Перед Великим Троном
Уже течет, дымясь, Алмазная Река.
И Гавриил — неслышно и незримо —
Обходит спящий мир. Господь, благослови
Незримый путь святого пилигрима
И дай земле твоей ночь мира и любви!

ЗАВЕСА

Так говорит господь: «Когда, мой раб любимый,
Читаешь ты Коран среди врагов моих,
Я разделяю вас завесою незримой.
Зане смешон врагам мой сладкозвучный стих».
И сокровенных чувств, и тайных мыслей много
От вас я утаил. Никто моих путей,
Никто моей души не знает, кроме Бога:
Он сам нас разделил завесою своей

Примечание

Бунин Иван Алексеевич (1870–1953) — русский поэт, прозаик, переводчик, лауреат Нобелевской премии 1933 г.

Посетил Турцию в 1903 г., Египет, Сирию, Палестину в 1906 г., Алжир, Сахару и Тунис в 1910 г. Всего в 1903–1915 гг. создал около 30 стихотворений, навеянных сюжетами и образами Корана. Несмотря на то что большая часть этих стихотворений имела коранические эпиграфы, они не являлись иллюстрациями к главной священной книге ислама. Чаще всего кораническое сказание или даже отдельная фраза Корана служили импульсом для поэтической мысли Бунина и были навеяны его путешествиями по мусульманскому Востоку.

Печатается по: *Бунин И. А.* Собр. соч.: В 9 т. М.: Художественная литература, 1966. С. 182–183; 350; 351; 258–259; 256; 257; 334–335; 260–261; 183–184.

